

УДК 1:316

ББК 60.032

А. С. Тимощук, Р. Тьяги

СИСТЕМНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ИСКУШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

В центре внимания авторов статьи — пессимистические перспективы цивилизации, представленные в новейшей философии в трудах Шпенглера, Хайдеггера, Камю, Сартра, Фромма, фокус которых был связан с критикой технологического уклада. Показано, что в условиях деиндустриализации, следует вести речь об ущербности неолудизма. Обосновано, что без новой космической НТР Россия не сможет преодолеть прекаризацию труда. Раскрыта неэвристичность современной философии, ограниченной языковыми играми и постмодернистским релятивистским дискурсом. Сделан вывод о том, что парадигмальным маяком цивилизации должна стать философия системогенетики, системной динамики, социодинамики.

Ключевые слова: пределы развития, лишние люди, прекариат, советская индустриализация, постсоветская деиндустриализация, реиндустриализация, мальтузианская ловушка, новая нормальность.

A. S. Timoshchuk, R. Tyagi

SYSTEM SECURITY OF RUSSIA AND THE TEMPTATION OF GLOBAL WORLD

The authors of the article focus on the pessimistic perspectives of civilization presented in the latest philosophy in the works of Spengler, Heidegger, Camus, Sartre, Fromm, whose focus was connected with the criticism of the technological order. It is shown that in the conditions of de-industrialization, one should talk about the inferiority of neoludism. It is substantiated that without a new space scientific and technological revolution Russia will not be able to overcome the pre-carization of labor. The non-heuristic nature of modern philosophy, limited by language games and postmodern relativistic discourse, is revealed. It is concluded that the philosophy of system genetics, system dynamics, sociodynamics should become the paradigmatic beacon of civilization.

Key words: limits of growth, redundant population, precariat, Soviet industrialization, post-Soviet deindustrialization, reindustrialization, Malthusian trap, new normal.

DOI: 10.46724/NOOS.2021.3.13-22

Ссылка для цитирования: Тимощук А. С., Тьяги Р. Системная безопасность России и искушения глобального мира // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 13—22.

Citation Link: Timoshchuk, A. S., Tyagi, R. (2021) Sistemnaya bezopasnost' Rossii i iskusheniya global'nogo mira [System security of Russia and the temptations of the global world], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 13—22.

© Тимощук А. С., Р. Тьяги, 2021

Геополитическое положение России как протяженной евразийской страны обусловило ее запаздывающее экономическое развитие, получившее четкую фиксацию в девизе «Догнать и перегнать!». Здесь долго сохранялись отсталые формы земледелия из-за экстенсивности развития, наличия новых рубежей, куда можно было отправлять недовольных. В той же Европе мальтузианская ловушка аграрного общества была быстро преодолена буржуазными революциями и переходом к индустриализации. Промышленный рывок России имел несколько импульсов и был завершен только созданием советского потребительского общества, которое было ограничено идеологическими барьерами. Со снятием социал-утопических ограничений мы можем говорить о новом этапе эволюции России. Казалось бы, все препоны устранены, как сословные, так и мировоззренческие. Вместе с тем мир ушел вперед. Экономический спад, начавшийся в 80-х годах прошлого века, был отсрочен жертвой Советского Союза, который вместе со всем восточным блоком закрыл дыры в потребительском спросе на западные товары.

Сегодня социальная реальность стала еще более сложной. На смену иерархического идеологического контроля пришла сетевая форма идеологической завесы в виде вбросов, полуправды, фальсификаций и инфоповодов. Информационная война ведется в условиях многослойной сложности, полионтичности, многополярности, нелинейности, процессуальности, рискогенности. Сложность делается напластованной, фрактально расползающейся в микро-, макро-, мега- и мезоконтинуумах. Социокультурная динамика, международные отношения, финансовые рынки находятся в ситуации глобальной неопределенности.

Неопределенность, превращенная в категорию, становится главным понятием онтологии и гносеологии, а также социальной философии, когда в силу вступает вероятность, которая исключает возможность однозначного и точного линейного прогнозирования событий и явлений. Международная повестка сегодня обусловлена, как и в прошлом веке, ограниченностью ресурсов Земли. Уже идеологические различия ушли в прошлое, призрак коммунизма переродился в левые, экологические и антиглобалистские движения. Однако противостояние не завершается, так как освоение космоса достигло технологических пределов и у человечества не осталось неосвоенных территорий, куда можно было бы перенаправить амбиции колонизаторов.

Технофобы не правы в своей демонизации техники и технологий. Опасность представляют не технологии, не техника сама по себе, а общественное сознание неограниченной капиталократии, использующей технику для эксплуатации человека и природы. Финансовый кризис продемонстрировал ограниченность экономических моделей: макроэкономические теории не смогли предсказать кризис, избежать его или быстро выйти из него. Как и после Великой депрессии, возник спрос на кейнсианские идеи: медленное, сберегательное развитие, неустойчивость рынка и вмешательство государства [5, с. 5].

Кейнсианство — это капиталистическая адаптация социалистической экономики, осознание необходимости регулирования рынка, связанное с пределами чистого капитализма. Накопление капитала преследует цель его дальнейшего приумножения через эффективное вложение, что становится все более затруднительным вследствие достижения пределов роста научных технологий.

Актуальность темы связана с диалектикой сложности развития цивилизации, угрозами устойчивого развития. «Новая нормальность» применяется как

стандарт описания комплексности, многофакторности, неустойчивости глобальной социотехнической реальности и способствует адаптации к особому состоянию среды, которую нельзя однозначно определить как порядок (космос) или хаос. Каждый тип общества — аграрный, индустриальный, постиндустриальный, — это ответы на демографические вызовы. Диалектика сложности актуального планетарного развития характеризуется плюрализацией социотехнического бытия, ускорением политических процессов, экономической нестабильностью.

Новая нормальность связана с достижением инвестиционных пределов, связанных с пределами роста научных технологий. Из множества инвестиционных проектов реализуются лишь единицы, так как инвесторов и сбережений больше, чем осуществимых идей [3]. Предел емкости каждой формации приводит к тому, что она перестает удовлетворять потребности массы народонаселения. Границы емкости каждой формации называются мальтузианской ловушкой по имени британского политэконома XIX века Томаса Роберта Мальтуса, описавшего концептуальные противоречия демографии и продовольственной программы. Его тревожные прогнозы о преобладании темпов роста народонаселения над производительностью производства продуктов питания время от времени обсуждаются, когда человечество сталкивается с кризисом и не может преодолеть его на предыдущем уровне развития экономики. Антимальтузианцы говорят о том, что ресурсы Земли и/или НТП недооценены; что нужно перераспределить уровень потребления и тогда хватит на всех. Однако на практике человечество регулярно сталкивается с кризисом перепроизводства населения, что вызывает гигантские движения народов и конфликты; войны, разруху и голод; пауперизм, бродяжничество и огораживание; экономическую депрессию и безработицу. Учение Мальтуса существенно повлияло и на дарвинизм, и на марксизм, и на кейнсианство, — все это концептуально важные антропные тренды Нового времени, которые до сих пор имеют значение как с точки зрения объяснения происхождения человека, так и с точки зрения более «человечной экономики». Английский священник думал о стабильном развитии общества и государства, и он обратил внимание на такой очевидный, но очень клерикализованный в то время капитал, как народонаселение. Поэтому учение Мальтуса критиковали религиозные и квазирелигиозные (коммунистические) структуры. Сейчас же настало время недогматического прочтения Мальтуса с точки зрения стратегического развития человечества. Тезис «плодитесь и размножайтесь» нуждается в условиях перенаселения Земли в существенной правке: «сохраняйтесь и поддерживайте стабильность».

Человечество достигло потолка емкости для постиндустриальной цивилизации: промышленность размещена в странах с дешевой рабочей силой, которые производят значительную долю потребительских товаров. Развитые страны сохранили рынок капитала, оружия и высоких технологий. Деиндустриализация приводит к тому, что машиностроение, станкостроение, легкая промышленность — все это переходит в страны с дешевыми трудовыми ресурсами. Россия сочетает негативные характеристики двух систем, — развитых и развивающихся: у нее слабая промышленность, дорогая рабочая сила, но при этом нет самостоятельного финансового рынка. Развитость отдельных областей, таких как ракетостроение, атомная промышленность, оружейного комплекса, не позволяет ее записать в страны третьего мира, а вакцина Спутник-V была позиционирована как

главный инструмент мягкой силы и *smart power*, как в 1957 году ее космический соименник. Развитость массового образования и медицины также не позволяет записать Россию в страны третьего мира, однако это достижение Советского Союза может постигнуть та же судьба, как в некоторых регионах Средней Азии, где уже произошел откат к досоветскому прошлому и потеря доступных социальных благ.

И, конечно, существуют показатели, по которым Россия прочно занимает положение развивающихся стран. Низкая позиция ВВП на душу населения резко контрастирует с амбициями международного лидера. С такими показателями, ниже Панамы, Аргентины и Румынии (2019 г.), нужно ощущать себя гораздо скромнее. Сырьевая экономика — это еще один параметр неустойчивости, делающей страну зависимой от мировых цен на сырье и импорта потребительских товаров. Анализ международного положения России — это образец новой нормальности, где сочетаются противоречивые тренды: претензии на мировое лидерство и системная коррупция, отдельные технологические прорывы и масса бедного населения, миротворческие акции и международные санкции за аннексию.

Гибридность параметров позволяет ее выделить в когорту стран второго мира наряду с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР. Одним из факторов новой нормальности является то, что развитые страны в условиях экономического спада оказывают порой более системное и долгосрочное влияние на мировой порядок, нежели индустриально развитые демократии мира, не соглашаясь с тезисом, что «процветание Америки — это основа свободы и безопасности во всем мире». Даже Китай, сохранивший после кризиса положительный прирост ВВП в 7 %, вынужден был приспособливаться к «новой нормальности», к всемирному экономическому спаду, искать аналогизирующие образы в традиционной культуре в виде «сяокан» (малая зажиточность), «датун» (великая гармония) [1].

Устойчивое развитие России и ее лидерство среди стран второго и третьего мира зависит от того, как быстро она сможет победить коррупцию, бедность и развить постиндустриальные технологии. Оптимизм внушают устойчивые позиции в нескольких областях, такие как развитость рунета и доступность мобильного подключения, энергетика и транспортные сети, объемы производства зерновых и биоресурсы, военная промышленность и армия, запасы углеводородов и других полезных ископаемых. Эти факторы могут стать залогом успеха в условиях сильного и эффективного государства, где моральность и великодушные проявления, прежде всего, по отношению к собственному населению, а не только к олигархам и странам третьего мира.

Второй кризис XXI века показал самоуверенность человечества в области науки и технологии. Новая нормальность, связанная с постковидным синдромом, означает «неприкасаемое», «дистантное» существование человечества: постоянный масочный режим и повышенные санитарно-гигиенические стандарты, пролонгированную самоизоляцию, цифровизацию образования, сокращение доковидных видов предпринимательства, уменьшение международных контактов, социальное дистанцирование, усиление иерархического контроля и отказ от массовых мероприятий.

Если возможна постпостиндустриальная экономика, то это будет рациональная система *Smart-экономики*, основанная на логистике, энергоэффективности, экологии и устойчивом развитии. Новая нормальность — это смена привычек потребления и коммуникации, это смена тренда на «донашивание»,

экономии, перераспределение ресурсов, разъединение владения и пользования (шеринг). Предел емкости технологического уклада 3.0 дает о себе знать через глобальные кризисы. Спады и депрессии XIX—XX вв. удавалось преодолеть благодаря индустриализации колоний и аграрных государств. Однако после индустриализации Азии уже не осталось касты хранителей технологий. Более того, изначальные доноры индустриализации (Нидерланды, Великобритания, Франция, США) сами стали жертвой деиндустриализации.

Нас стало слишком много, чтобы оставаться доиндустриальными романтиками или даже промышленными утопистами. Демографический профицит — это диалектическая вилка: без такого количества населения мы никогда не смогли бы обеспечить рост благосостояния. Однако помимо труда как источника богатства масса населения Земли нуждается в ресурсах, скудость которых мы не смогли преодолеть благодаря космосу, как ожидалось. Поэтому технологический уклад 4.0 связан, прежде всего, с оптимизацией имеющихся ресурсов. Смысл цифровизации в том, чтобы создать еще какое-то количество рабочих мест, улучшить глобальную логистику, наладив обмен капиталов, трудовых ресурсов, товаров и информации. Большие данные, искусственный интеллект, нейросети, блокчейн, облачные вычисления, 3D-печать позволяют экономить на производстве и распределении.

Говоря о парадоксальности состояния современной мировой цивилизации, иногда указывают на то, что она крайне неоднородна, состоит из трех исторически различных стадийальных типов: аграрно-традиционной, индустриальной и постиндустриальной. Никакого здесь парадокса нет, это ответ на демографический вызов.

Проблема не в переизбытке техники, а в ее недостаточном развитии для того, чтобы решить две глобальные проблемы растущего человечества: временный профицит углеводов сделал нас энергозависимыми, однако мы до сих пор не нашли, как удовлетворить растущие потребности человечества ограниченными природными ресурсами. Государства западного типа стремятся восполнить демографическую убыль за счет мигрантов, и при этом на Земле слишком много стремящихся к антиэкологическим благам индивидуальных коттеджей и персональной автомобилизации.

В примитивном обществе большой род помогает в конкуренции с другими племенами, но его трудно прокормить на ограниченных охотничьих угодьях. Этот тип человечества достаточно устойчиво существовал несколько миллионов лет, постепенно заняв практически все континенты. Однако рост народонаселения и невозможность удовлетворить потребность в питании с помощью охоты привели к переходу на аграрный тип хозяйствования, что является первой масштабной и малоизученной революцией человечества, обеспечившей ему относительно стабильное существование в течение нескольких тысяч лет.

Проблемы нехватки земли начали проявляться уже в конце Средних веков, когда европейские государства активно сводили лес и искали возможности колонизировать новые континенты. Дефицит земли породил пауперизм, бродяжничество и исход крестьян на новые земли. Первая НТР давала занятость в городах на производстве, и это быстро меняло уровень жизни, уклад жизни и тип семьи. Город впервые стал более сытым местом, чем деревня.

Индустриальный тип общества нуждался в своем типе устойчивости — рынках сбыта. Производить массово человечество научилось, однако надо было

еще и продать товар, а для этого нужен был средний класс и политика протекционизма, который обосновал экономист Адам Смит для родины капитализма. До тех пор, пока индустриально развитых стран было немного, они обеспечивали свою устойчивость, реализуя продукцию в аграрных колониях. Однако постепенно число таких держав росло: к Великобритании присоединились Германия и Франция. Затем стало все больше расти влияние США и Японии. Первая и вторая мировая войны — это конфликты уже индустриальных держав, где свое место в глобальном порядке отстаивало молодое советское государство, ставшее альтернативным проводником индустриализации в Азии, Африке и Латинской Америке. СССР овладел технологиями электроэнергетики и неорганической химии, станкостроения и машиностроения, ракетостроения и ядерного синтеза; делился ими с союзными государствами, составляя конкуренцию развитым индустриальным государствам.

Все основные технологии уже есть, некоторые из них достигли предела. Все три типа общества уже присутствуют на планете — аграрное, индустриальное и постиндустриальное. Иные типы обществ — космическое, о котором мечтали русские космисты; коммунистическое — идеал социал-утопистов; постчеловеческое — цель технократов, суть мыслимые, но недостижимые [6].

Исторически третий тип цивилизации, к которому вплотную подошло человечество, описал Э. Тоффлер и связал его с компьютеризацией и роботизацией. Как и Маркс, он делал выводы о будущих отношениях собственности, соотношения необходимого и свободного времени, при этом его выводы не столь категоричны, он исходил из того, что будущее открыто для изменений. Согласно Тоффлеру, при смене технологии меняется и социокультурный код, в то время как у Маркса технология — это лишь переход к новому типу эксплуатации, пока не будут обобществлены все средства производства.

Технократическая эйфория была свойственна как марксистам, так и немарксистам. Обе партии полагались на мощный рывок в освоении космоса, роботизацию производства и снятие всех социальных противоречий благодаря прогрессу технологий.

Острые прогресса проходит по самой кромке социального эволюционизма. Первая НТР создала условия для мануфактурного производства и глобального передвижения товаров. Во время второй НТР были изобретены средства массовой информации и коммуникации. Третья НТР была самой масштабной, затронув множество областей — от производства полимерных материалов до полетов в космос. Вопрос о четвертой НТР является спорным. Прорывы, изобретения и инновации есть (клонирование, нанотехнологии, индивидуализированное производство), однако они не носят такой масштабный и социально-экономический характер. В прошлые НТР менялся сам тип общества благодаря внедрению технологий. С аграрного — к индустриальному и постиндустриальному. Какой тип общества создала четвертая НТР? Пока не ясно, можно ли назвать современное общество постпостиндустриальным. В глобальном масштабе представлено три экономических типа обществ и складываются предпосылки для формирования новой фазы постиндустриального общества. Россия не смогла сохранить статус индустриального локомотива, но и не приобрела постиндустриальное лидерство, что помещает целую страну в зону риска прекариата.

Индустриализация СССР в XX в. спасла страну от недружественного поглощения. Ленин и Сталин вырвали ее из мальтузианской ловушки, которая

свойственна аграрным обществам, где демографические показатели превышают способность обеспечивать себя продуктами питания. Достижение потолка емкости ресурсной базы является основной причиной скудости питания, бедности, распространения инфекционных заболеваний, нехватки земли, маргинализации, миграции. Выйти из мальтузианской ловушки можно комплексом мер, которые включают помимо механизации сельского хозяйства и повышения его производительности, развитие техники и технологий, практику индустриализации, ограничение рождаемости, повышение уровня образования, создание новых видов занятости [8].

Сегодня над Россией нависла угроза деиндустриализации, ослабления таких отраслей промышленности как черная металлургия, машиностроение и металлообработка; уменьшения доли отечественного промышленного изготовления средств производства, предметов потребления. Масштабная индустриализация, напротив, идет в Китае, Индии, Бразилии, Мексике, Турции, Малайзии, Вьетнаме, ЮАР.

Россия импортирует из Китая машины и оборудование, электронику, автозапчасти и комплектующие, текстиль, одежду, обувь, товары для детей, сельскохозяйственную продукцию. Даже многие российские книги печатаются в Китае, а отечественные полиграфические мощности свертываются. Автомобилестроение и самолетостроение в РФ с трудом пробивают себе путь к рынку сбыта. Уменьшается парк сельхозтехники. Упрощается система производства, закрываются предприятия, сокращается население в промышленных моногородах, исчезают некоторые виды узких специалистов, имеет место деградация технического образования. Все это индикаторы рискогенной промышленной безопасности. Государство становится зависимым от импорта технологий и оборудования, потребительских товаров и лекарств. Деиндустриализация ставит вопрос о гарантированном доходе, без которого комплекс мероприятий по поддержке граждан и семей с детьми выглядит как стимулирование маргинализации и увеличение бедного населения. Убыль населения, низкий уровень доходов, бедность пенсионеров — все это побочные результаты деиндустриализации, так как в новейшей истории России именно промышленность была драйвером экономики.

Предел емкости индустриального общества заключается в перепроизводстве и в увеличении доли индустриально развитых стран. Идеальные условия капитализма времен Адама Смита, когда Великобритания открывала товарное производство в метрополии и заставляла приобретать эти товары свои колонии, уже закончились. В клуб индустриально развитых государств вступили с тех пор Франция, США, Германия, Япония, СССР, Китай, Индия и десятки других государств. Выходом для стран первичного капитализма стали такие сферы деятельности, как информация, развлечения, финансы, образование.

Порождением кризиса индустриальной занятости стало постиндустриальное общество с его занятостью в сфере услуг (доставка, быстрое питание, транспорт, СММ маркетинг, блоггинг). Новая нормальность постиндустриального типа общества заключается в нарушении структуры занятости: значительное количество людей на полной занятости перерабатывают, чтобы не потерять постоянный доход, а многие вообще не могут найти полноценную работу и вынуждены искать подработку. Антиномии сверхзанятости и недозанятости также выступают фактором неустойчивости новой нормальности. Самозанятость

позиционируется как гордость фриланса, но на самом деле является стыдливым прикрытием прекариата как основной социальной проблемы современности.

Новый стандарт постиндустриального рабства: непостоянный доход, отсутствие социальных гарантий, лимитирование трудовых прав. Все это потому, что мы выработали промышленную емкость, но так и не преодолели третью космическую скорость и углеродную зависимость. Искусственный интеллект, нейросети, робототехника, блокчейн, стандарт 5G, большие данные, интернет вещей, облачные вычисления, 3D-печать, дополненная реальность — это не технологии-монстры, агенты трансгуманизма, а то, что может дать перспективную занятость миллионам людей. Проблема безработицы постиндустриального общества становится уже глобальной, так как человечество достигло пределов развития. Быстрая прекарнизация населения, падение благосостояния и увеличение рабочего времени тому доказательство. Масса людей на планете не может найти нормальную занятость с социальными гарантиями. Для экономии фонда заработной платы используются схемы лизинга персонала, аутстаффинга, сезонного трудоустройства.

Глобализация обесценивает малые духовные скрепы. Отсюда опасная динамика самоубийств и экстремальных видов времяпровождения в технократических обществах. Менее конфликтной формой эскапизма следует признать сектантство и историческую реконструкцию. Ну а наибольшую угрозу правопорядку представляет борьба за идеалы хорошего справедливого общества в виде радикализма и терроризма.

В 2008 году мы высказывали предположение о грядущем увеличении необходимого рабочего времени вопреки модным трендам «работать 3—4 часа в день», «четырехдневная рабочая неделя» и т. п. [4]. Реальная тенденция во всем мире — это увеличение рабочего времени, сверхурочные, переработка, выгорание, сочетание двух или трех работ, посвящение свободного времени приработку. Причины весьма банальны — бедность, амбиции, стремление повысить качество жизни, конкуренция. Новая нормальность — это работать всегда, как в Японии и Китае, делая перерывы на сон, еду и переключения на иные обязанности [7]. Формулируются законопроекты 60-часовой рабочей недели, ставится вопрос о «работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени» [2]. Идеи, что человек будет заниматься творчеством, а машины — выполнять за него все рутинные действия, оказались утопией. Даже при современном высоком уровне механизации, автоматизации и цифровизации человек остается самым дешевым биороботом и программистом одновременно.

Робототизация стала одним из мощных идейных источников проектирования будущего. При этом многие ожидания по изменению производства и будущего Земли, которые были в начале и середине XX века, не оправдались. Есть достаточно причин считать, что мы достигли технологических пределов в развитии нашей индустриальной и постиндустриальной экономики и будущее Земли зависит от выработки нового экологического консенсуса. Причем не только в природопользовании, но и в экологии духа, в таких вопросах, как биоэтика, права животных, самоограничение в развитии технологий. Следующим этапом после постиндустриального общества является умное общество. Smart society — это бережливость, экология, учет, знание, образование, мудрость жизни. Выживание мира — это повышение эффективности производства и самоограничение в потреблении при пристальном внимании к экологическим вопросам. Демогра-

фическая политика умного общества — поддержание баланса народонаселения. Концепция роста ВВП будет пересмотрена в пользу устойчивости показателей. Образование и молодежь находятся в сфере особого внимания smart society. Особую угрозу геронтократическому истеблишменту представляет хипстерский технологический романтизм и основанные на социальных коммуникациях цветные революции.

Библиографический список

1. *Борох О. Н.* «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 68—80.
2. *Герасимова Е. С.* Увеличение продолжительности рабочего времени: шаг к современным трудовым отношениям или движение в прошлое? // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ). М.: МГЮА, 2011. С. 318—324.
3. *Гуковская А. А.* «Новая нормальность» и трансформация рисков // Прорывные научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 82—90.
4. *Ляпанов А. В., Тимощук А. С.* НТП и сокращение необходимого труда // Региональная экономика: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов. Владимир: РАГС, 2008. С. 62—64.
5. *Рязанов В. Т.* Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 4. С. 3—32.
6. *Тимощук А. С.* Социогенез России в XXI веке: достижения и стратегии будущего // Государство, общество, Церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 350—355.
7. *Kawanishi Y.* On Karo-Jisatsu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? // International Journal of Mental Health. 2008. Vol. 37, iss. 1. P. 61—74.
8. *Tyagi R., Vishwakarma S., Sanwar S. Y., Timoshchuk A. S.* Community Self-Help Projects // No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, 2020. P. 1—9.

References

- Borokh, O. N. (2015) «Novaya normal'nost'» s kitayskoy spetsifikoy ["New normality" with Chinese characteristics], *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], vol. 3, pp. 68—80.
- Gerasimova, E. S. (2011) Uvelicheniye prodolzhitel'nosti rabocheho vremeni: shag k so-vremennym trudovym otnosheniyam ili dvizheniye v proshloye? [Increasing the duration of working hours: a step towards modern labor relations or a movement into the past?], in *Mezhdunarodnoye, ros-siyskoye i zarubezhnoye zakonodatel'stvo o trude sotsial'nom obespechenii: sovremennoye sostoyaniye (sравnitel'nyy analiz)* [International, Russian and foreign legislation on labor and social security: current state (comparative analysis)], Moscow: MGYUA, pp. 318—324.
- Gukovskaya, A. A. (2016) «Novaya normal'nost'» i transformatsiya riskov ["New normality" and transformation of risks], in *Proryvnyye nauchnyye issledovaniya* [Breakthrough scientific research], Penza: Nauka i Prosveshcheniye, pp. 82—90.
- Lyapanov, A. V., Timoshchuk, A. S. (2008) NTP i sokrashcheniye neobkhodimogo truda [STP and reduction of the necessary labor], in *Regional'naya ekonomika: problemy i per-*

spektivy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Regional economy: problems and prospects], Vladimir: RAGS, pp. 62—64.

Ryazanov, V. T. (2013) Neustoychivyy ekonomicheskiy rost kak «novaya normal'nost'»? [Unstable economic growth as a “new normality”?], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], vol. 4, pp. 3—32.

Timoshchuk, A. S. (2018) Sotsiogenez Rossii v XXI veke: dostizheniya i strategii budushchego [Sociogenesis of Russia in the XXI century: achievements and strategies of the future], in *Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii KHKH—XXI vekov* [State, society, the Church in the history of Russia in the XX—XXI centuries], Iva-novo: Ivan. gos. un-t, pp. 350—355.

Kawanishi, Y. (2008) On Karo-Jisatsu (Suicide by Overwork): Why Do Japanese Workers Work Themselves to Death? *International Journal of Mental Health*, vol. 37, no. 1, pp. 61—74.

Tyagi, R., Vishwakarma, S., Sanwar, S. Y., Timoshchuk, A. S. (2020) Community Self-Help Projects, in *No Poverty. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Springer, pp. 1—9.

Статья поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Сведения об авторах

Тимошук Алексей Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия, ys@abhinanda.elcom.ru

Тьяги Ручи — доктор наук, профессор Университета нефтяных и энергетических исследований, г. Дехрадун, Индия, csractivist@yahoo.co.uk

Information about the authors

Timoschuk Alexey Stanislavovich — Dr. of Sc. (Philosophy), Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation, ys@abhinanda.elcom.ru

Tyagi Ruchi — Dr of Sc., University of Petroleum and Energy Research, Dehradun, India, csractivist@yahoo.co.uk